

Семья - святилище жизни. Иоанн Павел II [цит. по: Байда 1996, 67]

Задача автора статьи - не построение тотальной и всеохватной «философии семьи», но, скорее, обоснование некоего феноменологического междисциплинарного подхода к проблематике семьи в единстве и взаимосвязи ее сквозных реальностей. Обоснование это строится с особым учетом мировой и российской проблематики последних десятилетий. В ходе рассуждения автор выделяет шесть уровней подхода к проблематике семьи, причем настаивая не только на специфике, но и на глубокой внутренней взаимосвязи всех шести уровней (биосоматического, психологического, экономического, социокультурного, правового и религиозного).

На протяжении всей осознанной (или, в терминах Карла Яспера - «пост-осевой») истории человечества семья, т.е. элементарная кровно-родственная ячейка общества, всегда воспринималась не только как непреложная жизненная реальность, но и как проблема.

Действительно, какова она, семья? Каковы ее основания? Какой, в конце концов, надлежит ей быть? - Постоянной или временной? Нуклеарной или расширенной? Добровольной или принудительной? Как соотносится семья со всем широким контекстом человеческой жизнедеятельности? Каково соотношение наслаждения, обязанностей и страдания внутри самой семейной действительности?.. - Повторяю, эти вопросы проходят через всю осознанную историю человечества и запечатлены всем сводом памятников истории правоотношений, верований, философских воззрений, поэзии, драмы и изобразительных искусств.

Однако, вникая в труды этнологов, лингвистов, фольклористов и археологов, можно убедиться, что эти же проблемы многозначности семейных связей людей составляли неотъемлемую часть всей общественно-исторической динамики «доосевых» обществ, уж не говоря об их реликтах в более поздней истории.

И эти же проблемы составляют неотъемлемую часть истории сегодняшнего дня. На-шей-С-Ваши-Истории.

Мы еще далеки от построения некоей интегральной и всепреложимой «философии семьи». Да и когда и кому понадобится раз и навсегда упорядоченная и на все вопросы априорно отвечающая «философия семьи»? - То, что я хотел бы предложить читателю, - лишь некоторые нестрогие заметки, пытающиеся каким-то образом теоретически «схватить» этот вечно недосказанный и ускользающий от философского взора, но всегда столь насущный для мысли и практики *феномен семьи*. Причем феномен семьи - именно в его сегодняшнем социально-философском преломлении. И отчасти даже - в преломлении российском.

Но уж если говорить о самых общих философских предпосылках проблемы, то, на мой взгляд, едва ли не самое в этом смысле важное сказано на страницах «Смысла любви» Вл. Соловьева: человек не равен самому себе, человек ищет себя через другого, ищет своего восполнения и бытийственного осуществления в своей сообщённости с другим человеком. И прежде всего - с человеком другого пола, со своей столь родной и столь не похожей на себя «половиной». И эта ситуация качественно меняет обоих. Таким образом, взаимная половая любовь двоих (а она же и есть основное начало, основная «матрица» семьи) также не равна самой себе, и перерастает себя и в обществе, и в истории, и в Вечности.

И это - тот самый общефилософский background, из которого исходит весь дальнейший наш разговор.

* * *

Как бы ни относились мы ко всем трудностям и превратностям семейной жизни, как бы не критиковали мы - справедливо или несправедливо - даже самый институт семьи, - весь нормальный жизненный круг человека (от младенческой и до старческой немощи, или - шире - от зачатия до посмертного поминовения) связан именно с семьей.

Присматриваясь к феномену семьи (в разные времена, в разных цивилизациях, в разных странах, в разных религиозно-культурных общностях, в разных регионах нашего Отечества), мы не можем не заметить, что многие институты человеческой жизни, будь то устоявшийся круг дружеского общения, будь то приход, монашеская или дружеская община, добровольное творческое объединение, иной раз даже - в некотором идеальном случае - трудовой коллектив или воинское подразделение, обретают свою прочность и благоприятный человеческий климат именно благодаря тем навыкам дружеского общения, заботы и взаимной ответственности, которые слагаются именно в семье. Слагаются - вопреки всем возможным злоупотреблениям внутрисемейным авторитетом или тем внутрисемейным распрям, описания которых с древнейших времен стали неотъемлемой частью и мифологии, и литературы, и историографии. С детства мы помним рассказы о роковых последствиях распрей внутри родственных сообществ богов, внутри людской родни, внутри царственных династий. И всё же - интегрирующие силы семьи оказываются удивительно устойчивыми в истории. С детства мы наблюдаем и моменты неблагополучия и дискомфорта в наших собственных семьях.

Этот теоретически не вполне осмысленный факт настолько самоочевиден, что даже формальные социальные системы вторичного порядка (государства, корпорации, преступные кланы, авторитарные партии и диктатуры) пытаются представить себя как некие громоздкие имитации, или, говоря нынешним языком, «симулякры» не только семейной преданности и заботы, но также и внутренних сложностей семейной жизни.

Разумеется, в различных общественных, цивилизационных и культурных условиях феномен семьи может выглядеть по-разному. Этнологи и социологи могут привести множество противоречащих друг другу мнений и соображений на сей счет. Особенности семейных отношений могут иметь самые причудливые и несхожие формы бытового, юридического и экономического оформления, выстраиваться в самые несхожие иерархии; культурно-исторические перекройки, перестройки и катаклизмы, также и внутрисемейные драмы время от времени сотрясают самый институт семьи. Но он, как правило, в конечном счете выдерживает самые жестокие испытания, а в моменты культурных, хозяйственных и правовых стабилизации этот институт - в основе своей - воспроизводится вновь и вновь. А в основе института семьи - при всех возможных вариациях и отклонениях - издревле лежит принцип долговременного (подчас даже пожизненного) союза между мужчиной и женщиной.

На первых страницах Книги Бытия читаем:

«И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей: она будет называться женою, ибо взята от мужа.

Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут двое одна плоть» (Быт 2: 23-24).

И не случайно, по словам Энгельса, так много сил положившего на изучение этнологической мысли своего времени, построенная на принципе союза мужчины и женщины семья и делает последнюю основной «двухатомной молекулой» цивилизованного общества [Энгельс 1981, т. 3, 253].

На мой взгляд, острота и размах нынешних дискуссий по части гомосексуальных семей и их правового и культурного статуса, а также дискуссий по части трудностей становления ребенка в «неполной» (т.е., как правило, безотцовской) семье лишь подчеркивает непреложность и насущность проблемы семьи как базовой, «двухатомной

молекулы» всей ткани человеческой жизни.

Во всяком случае, современная семья с ее тысячелетиями слагающейся «двухатомной» основой - феномен многомерный. И трудно выстраивать иерархию форм организации той базовой «двухатомной» человеческой реальности, имя которой - семья. Тем паче, что «двухатомность» эта - не закрытая и не статичная. Семья взаимодействует с другими семьями в широчайшем контексте общества и культуры. И, как правило, семья порождает свой третий «атом» - ребенка. И подчас не только в единственном числе.

Как выстраивать эту иерархию - зависит от убеждений и приоритетов исследователя или толкователя. А я позволил бы себе выделить, по крайней мере, шесть измерений феномена семьи:

- биологическое,
- психологическое,
- экономическое,
- социокультурное,
- правовое,
- религиозное.

* * *

Измерением *биологическим* (или, если угодно, био-соматическим) поддерживается прежде всего физическая преемственность человеческого рода.

Тривиальный вопрос - «откуда берутся дети?», - вопрос, подразумевающий физическое соитие мужчины и женщины, на самом деле не так уж прост. Ибо нормальная обстановка в семье, на которую и призван опираться основной поток воспроизведения человеческого рода, связан со множеством факторов: с бережным отношением к физическому и моральному здоровью будущей матери, с грамотным принятием родов, с ласковым, заботливым и грамотным уходом за младенцем. Ибо так устроена человеческая реальность, так устроена надприродная (или, согласно часто употребляемому выражению Мераба Мамардашвили, «сверхъестественная» природа человека), что сферы отношений социальных, культурных и духовных во многом определяют собой даже самые элементарные уровни этой реальности. Так что дети «берутся» не только вследствие почти что мгновенного акта половой любви. Дети приходят в наш Мир не только из чисто природных основ человеческого общежития. Благодаря феномену семьи, в идеале призванной ко внутреннему ладу и благоустроенности, дети приходят к нам из глубины жизни, истории и культуры.

Разумеется, ни история, ни культура не отменяют чисто физического наслаждения близостью между мужчиной и женщиной или материнского почти что физического счастья общения с младенцем. Но эти чисто природные моменты воспроизводства человеческого рода вводятся в «сверхъестественный» контекст человечности. То есть в контекст истории и культуры. Взаимная физическая страсть Пьера и Наташи и их страстное чадолюбие на страницах эпилога «Войны и мира» (эти страницы подчас шокируют иных читателей-пуристов) и есть некий толстовский гимн семье именно как возведению биологических сил человека в «сверхъестественный» культурно-исторический контекст. В контекст осознанной и осмысленной любви. Любви, прошедшей как через глубину индивидуального страдания, так и через боль исторических разломов. Не случайно же «Война и мир» признается величайшим историческим романом во всемирной литературе...

И не случайно же мать Тереза Калькутская обозначила эту *соопределенность* биологического, культурного и духовного в процессах вынашивания и раннего становления ребенка (и, стало быть, в процессах жизнедеятельности семьи) следующими словами: «Каждый зачатый ребенок сотворен по образу Божию для

великого дела: любить и быть любимым» [Тереза 1996, 21]. Но ведь человеческая любовь - чувство опять-таки «сверхъестественное».

* * *

Психологическое измерение проблематики семьи тесно связано как с предшествующим, биологическим измерением, так и с процессами вхождения этого измерения в «сверхъестественный» контекст человечности. Внутреннее самочувствие человека, выводящее его за рамки чисто животной действительности и вводящее его в действительность истории и культуры, связано с толикой его самопонимания и свободы. Прежде всего именно эта толика выводит homo sapiens из рамок чисто природного Мира. Хотя Sapientia (т.е., строго говоря, Мудрость), на мой взгляд, не столько эмпирическая характеристика, сколько идеальное задание нашего с трудом уловимого и с трудом описуемого человеческого существования. Но коль скоро человеку уделена некоторая доля Мудрости-Sapientiae, изнутри освещающей и освящающей его психологический Мир, - человек не просто психофизически привязывается к своему партнеру, к своим кровным родственникам и близким. Он подчас еще и умеет и *мыслить* их и, стало быть, ставить себя на их место. И потому - в той или иной мере *сострадать* им. Недаром же на старом, но ныне уже утраченном языке русского простонародья длительное состояние любви обозначалось глаголом «жалеть».

Сама психика человека (а через нее - и процессы социализации и дальнейшего возможного интеллектуального и духовного развития) определяется не только «снизу», т.е. ее биологическими и витальными предпосылками. Она определяется и «сверху», т.е. предпосылками смысловыми. Или - если говорить в привычных мне категориях - не только «подтекстами» и «текстами», но и *подтекстами* человеческой жизни [Рашковский 2008, 5-22].

Человек, как и человеческая группа, не может прожить никакую чужую жизнь. Но - свою и только свою. Беда, однако, если человек или человеческий коллектив не способны присматриваться к чужим жизням и соотносить их опыт с опытом жизни собственной. И семья, на мой взгляд, оказывается одной из важнейших «школ» этого дара соотнесения. Дара постижения «жалющей», понимающей и любящей любви. Но если человек не проходит такой «школы» постижения другого, - в таких случаях и его собственная жизнь нередко не задается и обрушивается. О чем и свидетельствуют десятки тысяч, если не миллионы, личных и коллективных историй: клинических, криминальных. И - просто историй.

По мысли канадского медика и психолога Филиппа Джи Нея, грубость, жестокость, нечуткость в семье - источник той подавленности, неуверенности и ожесточения, которые подтачивают и извращают всю жизнь ребенка и обуславливают дурную преемственность для будущих поколений [Ней 1997, 87-89]. К человеку, травмированному негативным опытом детства, как бы прирастает «маска». «Маска», скажем, Неповзрослевшего (Urchin) или же Бодрячка, Плясуна (Dancer). Эта навязанная ребенку и, по существу, приросшая к нему маска нередко не дает развиваться и выразиться его собственной личности. И проходит такой человек по свету, как некий «израненный странник» (wounded pilgrim). По существу, речь идет об инфантилизме как о компенсации за незадавшееся детство [Там же, 131-133].

Так что глубина человеческого страдания во многом обусловлена той внутренней неблагоустроенностью, что воспринимается и впитывается человеком именно в семье. Разумеется, могут сказать - и притом не без оснований - что семейные невзгоды и семейное неблагополучие являются отражением невзгод и неблагополучия общества как такового.

Однако прямым источником нравственного страдания ребенка (как - во многих отношениях - и нравственного страдания старика) чаще всего оказывается не

«общество» как таковое, но именно непосредственное, в том числе и семейное, человеческое окружение.

И не случайно нынешний Мир уже начинает мало-помалу осознавать непреложную ценность доброго и понимающего психологического климата в семье как одной из предпосылок общечеловеческого порядка.

Так, согласно преамбуле международной Конвенции о правах ребенка указывается, что «ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания» и что именно эта атмосфера готовит человека к становлению в «духе мира, достоинства, терпимости, свободы, равенства и солидарности».

(Напомню в этой связи читателю, что, согласно статье 15, пункту 5 нашей Конституции, «общепризнанные принципы, нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы». И если мы не ведаем об упомянутом выше законодательном положении, относящемся к судьбам наших собственных детей, - то тем хуже для нас, для нашего настоящего и будущего...)

* * *

Экономическое измерение феномена семьи также представляется пусть элементарным, но и непреложным. Семья - один из важнейших коммуникационных узлов любой из систем человеческих связей. И не только потому, что ради своего выживания и благосостояния семья неизбежно вовлекается в системы человеческих и, стало быть, экономических коммуникаций. Не случайно же молодой Маркс для обозначения этих коммуникаций отождествил, - по его словам, «в самом широком смысле» - французское слово «commerce» с немецким словом «Verkehr» [Маркс 1962, 403].

Но что любопытно и важно именно в контексте нашего рассуждения: экономическая активность семьи, ее прямое или косвенное присутствие в сфере этой самой commerce / Verkehr, знаменует собой не только текущую, повседневную борьбу за «хлеб насущный» и - шире - за условия своего сколько-нибудь достойного существования на сегодняшний день. Парадоксальным образом присутствие семьи в экономической действительности знаменует собой атожение человеческих сил и средств не только в *настоящее* (наличный состав семьи) или в *будущее* (наличные или предполагаемые дети), но и в *прошлое* (поддержка престарелых родителей, родственников, друзей или соседей, а также участие в благотворительных акциях в пользу ослабленных, немощных и больных, т.е. тех, по кому уже прошел каток жизни и истории). То же самое можно сказать и об уходе за местами погребения, о платах за поминальные богослужения и мемориальные встречи, о затратах на увековечение памяти родственников, земляков, соседей, близких людей и т.д. ...

Так что экономические аспекты жизнедеятельности семьи прямо или косвенно связаны с тремя основными и неразрывно связанными друг с другом измерениями культурно-исторического времени: прошлым, настоящим и будущим.

Коль скоро речь у нас зашла об экономическом измерении феномена семьи, то здесь -именно применительно к реальностям нынешнего дня - необходима одна ремарка принципиального свойства.

Как указывают многие современные ученые-экономисты, высокоразвитые страны современного Мира (а также - добавлю от себя - многие группы населения в развивающихся странах) перешли из былой «экономической» общественной среды в среду «постэкономическую». Последняя вовсе не означает «отмирания» экономической сферы. Происходит нечто иное: экономические предпосылки человеческого общежития во многом утрачивают те безусловно «командные», «диктаторские» высоты, которыми

они обладали в прежних «капиталистических» или «социалистических» системах, и входят в сложный круг иных предпосылок: культурных, экологических, социальных, политических, правовых и т.д. [Смирнягин 2007,64-65]. Проблематика «борьбы за существование» отчасти (только лишь отчасти!) замещается и восполняется не менее драматической и отнюдь не оторванной от экономических судеб проблематикой *самого существования*: проблематикой жизни и смерти, любви и отверженности, признания и одиночества, нахождения и потери самого себя.

И этот глобальный процесс «постэкономического» развития означает глубокие (сегодняшние и завтрашние) сдвиги во всём облике феномена семьи.

Исторически неупразднимая борьба семьи за «хлеб насущный» не то, чтобы завершилась. Она продолжается. И будет продолжаться. Но в самом временном, психологическом и хозяйственном складе семьи существенно возрастает значение иных забот: о статусе, информационных и культурных благах, образовании, внешнем имидже и связанной с ним самооценке. Этот сложный комплекс явлений едва ли следует идеализировать. Действительно, этот комплекс частично сопряжен с отрывом от гнетущих забот чисто бытового выживания. Но он же знаменует собой не только момент гуманизации, но и момент серьезной, подчас изматывающей, «беличьей» интенсификации всего склада жизни семьи. А для многих - кого нынешний техно-экономический прогресс вывел из участия в общественном производстве, обеспечив притом некоторый минимум сытости и досуга, - этот комплекс означает положение травмирующей пустоты. Не случайно же мы наблюдаем такой размах именно духовной люмпенизации в нынешнем «технотронном», «интернетовском» Мире, такой размах низкопробного шоу-бизнеса как некоего электронного люмпен-пролеткульта. ..

* * *

И здесь - самое место и самое время перейти от экономической проблематики семьи к условно выделенному нами четвертому, *социокультурному* ее измерению.

Лично я связываю это измерение прежде всего с некоторой преемственностью преобразующейся во времени *памяти* во всей системе человеческих отношений. Памяти индивидуальной и памяти коллективной во всей их взаимной связи и взаимной обратимости.

Самой осознанной или же полусознанной человеческой памятью поддерживается и корректируется (с разной степенью успешности или неуспешности) преемственность языка, коммуникационных и трудовых навыков, этических и эстетических представлений, навыков неформальной самоорганизации и налаживания связей с теми, кто находится за исторически обусловленными и необходимо ограниченными рамками семейного «ядра».

Именно понимание важности социокультурных императивов и давлений нашей современности позволяет осмыслить многозначные процессы замещения традиционной многодетной семьи (с относительно низкими средними показателями образованности и высокими показателями детской смертности) более современной, малодетной семьей. Современная жизнь диктует высокий профессиональный уровень трудов родителей, высокий уровень временных, материальных и интеллектуальных затрат на каждого ребенка [Григорьева 2000, 25]. Современный ребенок - в принципе - уже не «сырье» для количественного воспроизводства общества, но скорее - безусловно объективное драгоценное достояние и общества, и - тем паче - самой семьи.

Однако этот процесс экономического и социокультурного «вздорожания» ребенка и - шире - «вздорожания» и семьи, и человеческой жизни как таковой имеет целый ряд социокультурных издержек и притом - весьма грозного свойства.

К таким издержкам я бы отнес следующие. Это - духовная люмпенизация и

связанная с ней психологическая и даже физическая деградация тех людей и семей, которые не в силах приспособиться к новым обстоятельствам непрерывной социокультурной «гонки», требующей от людей и от семей немалой жизненной стойкости, гибкости и самодисциплины;

- существенное возрастание в удельном весе населения городов с мощными интеллектуальными традициями массы мигрантов из слаборазвитых или деградирующих регионов и стран, что создает в этих городах мощную и взрывоопасную критическую массу обиды, беспамятства и бескультурья;

- социокультурная «гонка» и скученность в больших городах в сочетании с деградацией малых городов и деревень приводит к стремительному процессу старения населения в развитых регионах нашей планеты; печальным же «контрапунктом» этому процессу оказывается стремительное и культурно не поддержанное омоложение населения в регионах слаборазвитых и нестабильных, где молодежь (в частности, и молодые семьи) не получают прививок высокой культуры.

Прогрессирующие процессы массового старения населения высокоразвитых ареалов и соответствующий упадок их демографических, социоэкономических и культурных показателей (включая особый, по существу глобальный, размах одиночества и беспомощности стариков) вызывает немалую тревогу мировой общественности. Один из относительно недавних документов, характеризующих эту тревогу, - «Политическая декларация», принятая II Всемирной ассамблеей по проблеме старения в Мадриде (апрель 2002)¹³. И не случайно эта же «Политическая декларация» ставит вопросы не только защиты статуса и прав пожилых людей с их драгоценным и уходящим в прошлое социокультурным опытом и социокультурной памятью, но и вопросы особых рабочих мест, особых методик обучения пожилых людей новым технологиям, вопросы разработки новых систем медицинской, бытовой и культурной поддержки пожилых людей¹⁴.

Мне думается, связь этих трех выделенных мною массовых проблем (культурной люмпенизации, миграций и старения) с проблемами семьи - по существу, любой семьи! -самоочевидна. Ибо семья не изолирована от окружающего Мира, но связана с ним несчетным множеством разнообразных - прямых и косвенных - связей.

* * *

Перехожу к пятому, предпоследнему среди выделенных мною, условному измерению феномена семьи - измерению *правовому*. И здесь, в этой точке нашего разговора, вынужден буду сосредоточиться прежде всего на материале отечественном. Но замечу, что это правовое измерение, коренящееся в традициях библейского и римского права (которые и сами коренятся в еще более древних традициях обычного права средиземноморских народов), есть измерение далеко не самое раннее, далеко не самое древнее среди комплекса измерений человеческой истории, но, тем не менее, одно из важнейших в плане формальной и общезначимой регуляции, по существу, всех функций семьи. Правовое формообразование современной семейной жизни не может не сказываться на всём ее содержании.

Каков бы ни был эмпирический облик средней российской семьи сегодня, всё же нельзя упускать из виду то обстоятельство, что нормативно-правовые принципы российской жизни - это принципы долговременного действия, рассчитанные на многие десятилетия и, может быть, на века вперед. Если, конечно, нам отмерены десятилетия и века.

Сказанное не означает, что я закрываю глаза на несовершенство сегодняшнего российского законодательства, в частности, на конституционные противоречия между нынешней гипертрофией президентской и - шире - исполнительной власти и конституционных же принципах народовластия (статья 3 Конституции РФ),

федерализма (статья 5) и разделения властей (статья 8). Но речь у меня об ином - об основополагающих гуманистических и гражданских принципах российского законодательства.

Первая среди целей российской государственности, определяемой преамбулой нашей действующей Конституции, принятой на исходе конфликтного 1993 года, - «утверждение прав и свобод человека, гражданского мира и согласия».

Согласно статье 2 Конституции Российской Федерации, «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства».

А пункт 1 статьи 7 Конституции РФ гласит: «Российская Федерация - социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

В комментаторской литературе отмечается, что сам гуманистический приоритет прав и свобод человека есть новация в российском конституционном праве, знаменующая собой отход от прежнего - досоветского и советского - примата «общественного», то бишь казенного, над собственно человеческим [Комментарий 2002, 19].

Защита семьи и человеческих отношений в семье определяется российским законодательством как один из правовых и общественных приоритетов нынешнего Российского государства¹⁵. Само правовое содержание семейной жизни, а с ним - *implicite* - и правовое определение семьи дается в разделе I, гл. 1, ст. 1, п. 3 Семейного кодекса РФ. Это определение уместно было бы воспроизвести полностью:

«Регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами добровольности брачного союза мужчины и женщины, равенства прав супругов в семье, разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию, приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии, обеспечения приоритетной защиты прав несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи».

А следующий, 4 пункт подтверждает именно добровольный характер вступления граждан на путь построения семьи. Однако, если исходить из положений Семейного кодекса (глава II, ст. 7, пункт 1), эта добровольность и свобода не означает произвола и вседозволенности, но, скорее, требует от граждан соотнесения собственных прав, интересов и свобод с правами, интересами и свободами других людей:

«Осуществление членами семьи своих прав и исполнение ими своих обязанностей не должны нарушать права, свободы и законные интересы других членов семьи и иных граждан».

Думается, за этой краткой чисто юридической формулировкой стоят глубокие, веками слагавшиеся представления о непреложных духовно-нравственных основаниях права, о живой связи феномена семьи с духовно-нравственными основами *феномена человека*, о способности и призвании человека не только мыслить и определять свои долговременные интересы и «стратегии», но и мыслить другого человека и сострадать ему. Причем мыслить другого человека не только в контексте своего повседневного опыта, но и в контексте нынешнего большого и пронизываемого Мира. И не случайно в этой связи статья 166 VII раздела Семейного кодекса РФ предполагает (для конкретных случаев семейной жизни, связанных с браками россиян с гражданами иных государств) соотнесение норм семейного законодательства России с нормами семейного законодательства иных государств, однако - при признании приоритета законодательства именно отечественного.

Сегодня эта проблема стала особенно актуальной в случаях расторжения браков между россиянами и иностранцами и определения судеб детей, рожденных в этих

браках; эта проблема актуальна и в связи с юридическим оформлением актов усыновления иностранцами многочисленных российских сирот и детей-инвалидов. К сожалению, эта проблематика иной раз трактуется не столько исходя из гуманистического духа российского законодательства и исходя из интересов конкретных детей, но из соображений чисто политиканских, именуемых державностью и престижем...

Перехожу, наконец, к шестому, *религиозному* измерению проблематики семьи. Лично для меня, как для ученого-религиоведа, это измерение представляется особо содержательным и насущным.

Религиозное измерение феномена семьи, а вместе с ним и через него - и самого феномена человека, есть измерение едва ли не самое загадочное, не дающее возможности прямолинейных и однозначных истолкований. Ибо оно имеет дело с теми неотступными вопрошаниями человека, которые не имеют прямолинейных и однозначных ответов:

- кто я?
- откуда я?
- куда иду?
- какова моя духовная связь с теми, кто рядом со мной?

Эти вопрошания волнуют едва ли не каждого, хотя большинство людей и довольствуется (думается - до поры до времени, до ситуации толстовского Ивана Ильича) лишь общезначимыми и внешне санкционированными ответами. Но так или иначе, в некоторые критические, или, по словам экзистенциальных философов, - «пограничные» моменты своей жизни (или предсмертия) с этими предельными вопросами о жизни, смерти, о духовных путях своего существования сталкивается, по существу, каждый.

Одна из глубочайших религиозных (и вместе с тем - и философских) предпосылок человеческой озабоченности проблематикой семьи - переживание и осознание некоторой внутренней неполноты, нерешенности, недостроенности человека, а вместе с ним - и всего творения: «нехорошо человеку быть одному» (Быт 2:18). Да и сам человеческий род мыслится библейским повествователем как некая «семья».

Во всяком случае, ту религиозную интуицию, которой освящается и во многих отношениях строится человеческая семья, я определил бы как интуицию *священного восполнения*. Так что образ колодезной воды в глиняных кувшинах, превращаемой именно *на брачном пире* в отборное вино, и представляется мне едва ли не самым убедительным из символов этого священного восполнения. Воистину, «задачи семьи, - как сформулировала, по существу, эту же самую мысль польская исследовательница, - выходят за пределы этого Мира...» [Солтык 2000, 371].

Так что семья - во всей сложности человеческой ее действительности, - семья с ее взаимной поддержкой, общей памятью малой группы, конфликтами, утратами, охлаждениями, разрывами, примирениями, прощениями, возвращениями любви - есть всечеловечески необходимая и незаменимая школа религиозного опыта и религиозного творчества.

Религиозные обертоны в восприятии людьми материнства, отцовства, детства, сыновства, братства, старости, измен, возвращения²⁴, рождения («Рождества») и смерти - всё это также коренится в том человеческом феномене, исторически меняющемся, но сохраняющем свою преемственность, имя которому - семья. Семья, объемлющая собой все три измерения человеческого времени:

- сыновство - в ее отношении к прошлому,
- супружество и братство - в ее отношении к настоящему,
- отечество и материнство - в ее отношении к будущему.

И тем самым несущая в себе отблеск Вечности.

ЛИТЕРАТУРА

Байда 1996 - *Байда У.* Папа Иоанн Павел II о семье. Фшюсофско-богословский подход // XVIII Международный конгресс семьи. Брюссель - Варшава - М., 1996.

Григорьева 2000 - *Григорьева Р.А. и др.* Города Подмосковья в 90-е гг. XX века // Этнодемогра-фические и тендерные проблемы (по материалам городов Железнодорожный, Истра, Ступино). М., 2000.

Комментарий 2002 - Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под общ. ред. В.Д. Карповича. М, 2002.

Маркс 1962-*Маркс К.* Письмо П.В. Анненкову, 28.12.1846//Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2. Т. 27. М., 1962 .

Ней 1997 - *Neu Ph. G.* Deeply Damaged. An Explanation for the Profound Problems Arising from Infant Abortia and Child Abuse. 3'« Ed. Victoria, Canada, 1997.

Политикал 2003 - Political Declaration and Madrid Intenational Plan of Action on Aging. N.Y., 2003.

Рашковский 2008 - *Рашковский Е. Б.* Смыслы в истории. Исследования по истории веры, познания, культуры. М., 2008.

Смирнягин 2007 - *Смирнягин Л.В.* Трудное будущее российских городов // Pro et contra. М., 2007. № 1 (35).

Солтык 1996 - *Солтык Г.* Семья и власть - два голоса // XVIII Международный конгресс семьи. Брюссель - Варшава - М., 1996.

Тереза 1996 - *Мать Тереза.* Ребенок, который должен родиться, - это богатство народов // XVIII Международный конгресс семьи. Брюссель - Варшава - М., 1996.

Эльин 2000 - *Эльин Ф. Х.* Семья - домашняя церковь // Семья на пороге Тысячелетия. Материалы конгресса. М., 2000.

Энгельс 1981 - *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. произв. В трех томах. Т. 3. М., 1981.